

Пролежав на земле слишком долго, даже в толстой хлопковой одежде он не мог защититься от ледяного холода, идущего от пола. Маленькие отверстия в углах камеры постоянно пропускали внутрь холодный ветер, и Гу Шаобай чувствовал, что вот-вот замёрзнет.

Он попытался сесть, но обнаружил, что руки связаны за спиной верёвкой. Попытался порвать верёвки — они были затянуты слишком туго, не оставляя ни малейшего послабления, и пришлось смириться.

Потребовалось много времени, чтобы, медленно упираясь в стену, он мог сесть. Пальцы рук и ног уже онемели от холода и казались чужими.

Он постоянно сжимал и разжимал кулаки, пытаясь вернуть чувствительность замёрзшим кончикам пальцев.

Неизвестно сколько времени прошло, Гу Шаобай уже собирался снова уснуть, когда услышал шаги в коридоре. Шагало не один человек.

Сяо Юй шёл впереди с фонарём, освещая путь. Трое людей спускались по лестнице. Гуаньсинь шла рядом с Ван Сыдао и на ходу говорила:

— Господин Дуань встретился с помощником префекта Цуем и пропал. Боюсь, он...

На чистом, осунувшемся лице Ван Сыдао не было ни гнева, ни радости, оно было спокойно, подобно глади воды. Он хмыкнул и произнёс:

— Не обращай на него внимания. Сегодня ночью Ван Сянь уже приведёт людей в город. Пять тысяч человек плюс три тысячи войска Фэн Цзымэя — взятие дворца будет проще простого.

Он остановился и посмотрел во тьму. Наконец-то на его лице проступила зловещая тень:

— Император-младенец... Хм... Чего бояться умирающему!

Дверь камеры открылась. Гу Шаобай посмотрел на троих людей. Кроме Сяо Юя, он никого не знал.

Ван Сыдао уставился на него, долго смотрел, затем холодно усмехнулся:

— Так ты и есть Гу Шаобай? Хе-хе... Наряжен неплохо.

Гу Шаобай с недоумением смотрел на этого среднего лет, с белым лицом интеллигентного человека. Черты лица были благородными, но эти светящиеся мрачным светом глаза, вживлённые в лицо с натянутой улыбкой, выглядели всё страшнее и страшнее. Взгляд его был злобным и ядовитым, от чего по спине Гу Шаобая пробежал холодок.

Он повернулся к Сяо Юю:

— Сяо Юй, зачем ты меня связал и держишь здесь? Кто эти люди?

Сяо Юй встретился взглядом с его невинными и добрыми глазами, не выдержал и отвёл взгляд, но всё же ответил:

— Это господин Ван!

— Господин Ван? — Гу Шаобай удивился. В придворных кругах много господ Ванов, кто из них?

— Кто бы вы ни были, господин Ван, нельзя просто так связывать людей!

Ван Сыдао присел на корточки и, пользуясь тусклым светом лампы, тщательно разглядывал черты Гу Шаобая, словно на его лице расцвёл цветок. Смотрел долго.

— Му Цинфэн очень тебя любит?

Гу Шаобай опешил. Этот человек болен?

Но тут он подумал: если кто-то смеет называть Му Цинфэна по имени, то он либо не боится смерти, либо имеет с ним старую вражду. По его виду он не похож на сумасшедшего, значит, враг. Гу Шаобай подумал: «Всё, мне конец, я пострадал из-за Му Цинфэна».

Он быстро изменился в лице и растянулся в улыбке:

— Этот... господин Ван, какие бы разногласия у вас ни были с тем Князем И, это ко мне не относится. Я всего лишь простой народ. Как Князь И может полюбить меня? Вы, должно быть, шутите! Глядя на вашу внешность, вижу, что вы человек благородный и необычный. Прошу вас, будьте великодушны, отпустите меня. Всё, что произошло сегодня, я забуду, как только вернусь. Как насчёт этого?

Ван Сыдао скривил губы, выдав что-то похожее на улыбку:

— Хе, какой славный ротик, правда, вызывает жалость!

Он поцокал языком, но вдруг со всей силы ударил Гу Шаобая по лицу. Даже не обладая боевыми искусствами, он вложил в этот удар полную силу. Гу Шаобая перед глазами всё поплыло от искр, а правая щека ударилась о твёрдую каменную стену, и он долго не мог прийти в себя.

Во рту появился привкус крови. Лицо, прижатое к холодной стене, наоборот, помогло затуманенному сознанию постепенно проясниться.

Он повернул голову и посмотрел на лицо Ван Сыдао, которое менялось подобно временам года: только что оно было подобно весеннему ветру и дождю, а за несколько вдохов покрылось инеем. В глубине глаз проступали ненависть и злоба — без глубокой вражды таких глаз не бывает.

Спокойствие вместе со страхом проникло внутрь и стало медленно охватывать всё тело. Гу Шаобай понимал, что этой беды не избежать, и больше не стал стараться натягивать маску веселья.

Гу Шаобай проглотил слюну с примесью крови и молча смотрел на Ван Сыдао:

— Кто вы такой на самом деле и какая у вас вражда с Му Цинфэном?

Ван Сыдао спокойно сел напротив него, скрестив ноги:

— Хорошо. У старика ещё есть время, не мешает тебе умереть понимающим призраком.

— Поездка Му Цинфэна в префектуру Аньян, разгром Крепости Феникса, а также захват Гэ Чуньхуэя и Сунь Биньцзы — ты, наверное, слышал об этом?

Гу Шаобай кивнул:

— Слышал кое-что.

Ван Сыдао, казалось, был вполне доволен его спокойствием:

— Губернатор префектуры Аньян Сунь Биньцзы — мой приёмный сын. Я рос вместе с ним, относился к нему как к родному сыну...

Гу Шаобай увидел, как в глазах Ван Сыдао медленно поднялась дымка, на дне которых были только следы времени и воспоминания. Его голос стал невообразимо трудным:

— Такой хороший ребёнок... умный и красивый, у него было великое будущее... — Вдруг он стиснул зубы и выпучил глаза. — Жаль старика, что занимаю должность премьер-министра, а могу только беспомощно смотреть, как Му Цинфэн заставляет его покончить с собой.

Гу Шаобай наконец понял. Единственный человек в мире, занимающий пост премьер-министра, родной брат вдовствующей императрицы и родной дядя императора — Ван Сыдао!

Он отвернул голову и презрительно усмехнулся. Поток воздуха коснулся лампы, огонь качнулся дважды, лицо Ван Сыдао то светлело, то темнело, подобно злему духу.

— Я думал, кто это, оказывается, господин Ван Сыдао, — он прикрыл глаза и медленно выдохнул тяжёлый вздох. — Сунь Биньцзы знал закон и нарушил его, смерть его вполне оправдана. Он занимал должность, но не думал о благе народа и верности государю, а совершал мятежные дела. Не говоря уже о том, что он был всего лишь губернатором префектуры, даже если бы он был императорским принцем, он должен был соблюдать законы и дисциплину. Иначе зачем нужны инструменты государства?

Гу Шаобай, охваченный гневом, хотя и не был полностью в курсе дела в префектуре Аньян, но сначала его связали, потом ударили, что вызвало в нём полное негодование. Поэтому он открыто начал ругаться, не разбирая, кто прав, кто виноват, лишь бы выпустить злость.

Пара глаз, совершенно не знавших страха, в тусклом свете камеры, отражая жёлтый свет, упрямо и ярко сияли:

— стыдно вам, что вы знаете о своей должности премьер-министра, а оказались в одной упряжи с вашим сыном...

Внезапно он вспомнил о Чжуншэне, спасённом в «Я Лю Цзюй», и презрение его усилилось ещё больше:

— И ещё ваш родной сын Ван Цзинфэй, который насилует мужчин и женщин и творит всякое зло. Если сын неблагополучен, вина лежит на отце. Я думаю, что тот, кто должен умереть больше всех — это не они, а вы...

— Глядя на вас, можно подумать, что вы образованный человек, но не ожидал, что вы безумный изверг под маской учёности. Не можете победить Му Цинфэна, так и идёте мучить простого человека. Даже если убьёте меня, это не покажет вашей силы...

Ван Сыдао вдруг «фук» рассмеялся, потом смех становился всё громче и громче. Станный смех бродил по тесному пространству подобно призраку, заставляя зудеть кожу на голове не только у Гу Шаобая, но даже у Гуаньсинь и Сяо Юя.

Наконец он перестал смеяться:

— После сегодняшней ночи в этом мире больше не будет Му Цинфэна.

Услышав это, Гу Шаобай сильно удивился. Он struggled, чтобы сесть прямо, и с тревогой спросил:

— Что вы хотите сделать?

Ван Сыдао холодно усмехнулся:

— Изначально старик хотел, чтобы ты тихо умер здесь, что тоже считалось бы мезтью за моего Биньцзы. Но только что старик передумал. Что может быть мучительнее, чем смотреть на смерть любимого человека перед своими глазами и не иметь возможности спасти?

Он глубоко и длинно вдохнул, и та крупца мягкости в глазах, которая возникла из-за Сунь Биньцзы, была полностью поглощена тьмой.

Гу Шаобай уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Ван Сыдао кивнул подбородком, и Гуаньсинь тут же подошла, зажала Гу Шаобаю рот и вложила туда таблетку.

Гу Шаобай сильно удивился и хотел открыть рот, чтобы выплюнуть её, но таблетка растворилась во рту и тут же соскользнула в горло. На кончике языка и у корня всё было горьким и с привкусом крови. Он дважды сухо вырвал, глаза были вынуждены слезиться:

— Что вы мне дали?

Ван Сыдао встал и отряхнул пыль с одежды:

— Всего лишь яд... — Он бросил последний взгляд на Гу Шаобая. — Не волнуйся, ты пока не умрёшь. Как минимум, ты должен увидеть Му Цинфэна перед смертью, не так ли?

Он повернул голову и подал знак Гуаньсинь и Сяо Юю:

— Ведите его.

Гу Шаобай подумал про себя: этот старый негодяй использует такой способ мести Му Цинфэну, неужели...

Он слушал, как шаги Ван Сыдао удалялись всё дальше, и крикнул:

— Ван Сыдао! Сунь Биньцзы был вашим приёмным сыном, но вы питали к нему импрорег мысли. Не знаю, будет ли он спать смирно в подземном мире, узнав об этом?

Фигура Ван Сыдао дёрнулась. Он не ожидал, что в конце концов именно Гу Шаобай увидит его насквозь.

<http://bllate.org/book/16730/1539000>